

КРЕСТЬЯНСКАЯ СИМФОНИЯ

Никогда не оставляли Некрасова мучительные раздумья и "проклятые вопросы". И прежде всего раздумья о счастье народа, о том, когда же придет оно и как найти его.

Новое время - свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам;

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедности, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: "Дурак!"

Вопрос трудный и неразрешимый... Казалось бы, > "тайна довольства народного" в освобождении крестьян, от крепостного права. Лучшие люди России с нетерпением ждали крушения крепостничества, боролись за крестьянскую волю. И вот свобода была обретена, завоевана. Но ответа на мучивший его вопрос поэт не получил:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?..
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие во мне: "В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?.."

Некрасов рассказывал журналисту П. Безобразову: "Я задумал изложить в связном рассказе все, что я знаю о народе, все, что мне привелось услышать из уст его, и я затеял "Кому на Руси жить хорошо". Это будет эпопея современной крестьянской жизни".

Поэма, которую Некрасов писал на протяжении последних тринадцати лет жизни, для которой долго и кропотливо собирал материал "по словечку", явилась итогом его поэтического и духовного опыта, его размышлений о характере и судьбах народа. Она вобрала в себя и весь его огромный опыт художника, мастера народного слова, знатока народной поэзии. Эта поэма была особенно дорога ему, и, умирая, он страдал, что не успел завершить ее. Сестра Некрасова Анна Алексеевна Буткевич рассказывала, что поэт во время болезни часто вспоминал о своем труде и незадолго до смерти сказал: "Одно, о чем сожалею глубоко, это - что не кончил свою поэму "Кому на Руси жить хорошо". Я... сказала: "Поверь мне, что мы ее кончим". Он с тоской посмотрел на меня: "Нет, уж не кончим!"

Простые мужики, те, с кем он постоянно общался в Грешневе и Карабихе, должны были появиться на страницах поэмы и рассказать о себе и своей жизни. Он хотел провести перед читателем на фоне пореформенной Руси сегодняшних "свободных" крестьян с их нуждами и заботами, показать пеструю народную толпу, разноликую и разноголосую. "Передо мною никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда", - сказал поэт одному из знакомых.

Прежние разрозненные наблюдения постепенно складывались в единую картину - панораму России с ее нищими деревнями и шумными ярмарками, крестьянским тяжелым трудом и бесшабашным пьяным разгулом, с "фанатиками рабства" и провозвестниками нового, намного опередившими свою эпоху. Некрасов стремился показать Россию в ее многообразии и целостности. Он выбрал для поэмы форму путешествия и ввел в повествование элементы

народной сказки: здесь и говорящая птица-печочка, и волшебная скатерть-самобранка, - на протяжении долгого пути она кормит и поит странников. Особенностью поэмы являются сказочные: повторы, так что всякий раз, встречаясь с новым собеседником, семь мужиков заново объясняют ему, кто они такие, куда и зачем идут:

Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных
Подтянутой губернии,
Уезда Тернигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова -
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы - и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Предполагаемых счастливых: помещика, чиновника, попа, "купчину толстопузого", "вельможного бояривд, министра государева" и самого царя Некрасов назвал в начале поэмы. Он замыслил охарактеризовать разные социальные слои тогдашней России, столкнув своих мужиков с каждым из "счастливых". Но план его не был незыблемым, он не раз менялся в процессе работы. Так, вопреки первоначальному намерению, Некрасов уже в первой части поэмы заставил своих мужиков искать счастливого и в крестьянской среде. Однажды, разговаривая с Глебом Успенским о предполагаемой концовке поэмы, Некрасов спросил его:

- Как по-вашему, кому же живется на Руси весело?

Наудачу Успенский назвал одного из упомянутых в начале поэмы счастливых.

- Этому? - спросил он.

- Ну вот! Какое там счастье! - усмехнулся Некрасов и двумя словами обрисовал призрачные радости и бесчисленные черные минуты названного Успенским счастливого.

- Так кому же? - вновь спросил Успенский.

Улыбнувшись, Некрасов произнес значительно и с расстановкой: - Пья-но-му!

Видя удивление собеседника, Некрасов рассказал ему о том, как он предполагает завершить поэму:

- Не найдя на Руси счастливого, странствующие мужики возвращаются к своим семи деревням: Горелову, Неелову и так далее. Деревни эти смежны, то есть стоят близко друг от друга, и от каждой идет тропинка к кабаку. Вот у этого-то кабака встречают они спившегося круга человека, "подпоясанного лычком", и с ним, за чарочкой, узнают, кому жить хорошо.

Уже в начале работы Некрасов понял, что необходимо по возможности устранить из поэмы авторский голос, чтобы были громче слышны голоса героев поэмы, чтобы каждый из них высказывал свои сокровенные мысли в своей собственной, только ему присущей манере. Упорно искал он новые языковые средства художественной характеристики. Часто рассказы героев о себе своеобразно преломлялись в сознании слушателей, приобретали новые оттенки. Слушая рассказ помещика Оболта-Оболдуева, крестьяне своими меткими репликами, иронией начисто убивают выпретенную напыщенность его речей. Происходит типичный для поэмы диалог:

Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!

- А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? -
Сказали мужики.

Некрасов писал поэму размером "Зеленого шума", - Гибкость этого размера и независимость его от рифмы давали ему огромную свободу, позволяя передать многообразие народного разговорного языка, с его меткостью, афористичностью, с его особыми оборотами, дать в поэме и народные песни, и задорные речи подвыпивших на ярмарке мужиков, и самодовольные разглагольствования самодура-помещика, создать исполненные лиризма описания русской природы и трагическую повесть о судьбе русской крестьянки. Его поэма становилась похожа на симфонию, где разные голоса то соединяются, то замолкают, то, разрастаясь вновь, развивают новые темы и мотивы, которые должны слиться в едином мощном финале.

По замыслу Некрасова, каждая встреча крестьян с предполагаемым "счастливецем" должна была заключать в себе двоякий смысл: в ней раскрывался характер самого "счастлидца" и выявлялись закреплённые веками взаимоотношения крестьян с той или иной социальной группой.

Именно так и происходит при встрече крестьян с попом, с помещиком Оболтом-Оболдуевым, с князем Утятиним: немедленно скрещиваются разные голоса, сталкиваются противоположные жизненные оценки, взаимоисключающие интересы.

Живущий поборами с прихожан поп объясняет крестьянам:

Конечно, дело чистое -
За требу воздаяние
Не брать - так нечем жить...

Но крестьяне пока еще не могут распознать скрытого в этих словах наивного своекорыстия. Понимая, что поповские невзгоды несравнимы с их собственными, они все-таки относятся к попу с сочувствием: что же, мол делать, ведь так уж искони повелось, что поп живет за счет крестьян. Притом поп - неременный свидетель крестьянских радостей и бед: он и крестит, он и соборует, ему и в самом деле приходится несладко: "Зимой, в морозы лютые и в половодье вешнее иди - куда зовут!"

Иное дело помещики. Ни в Оболте-Оболдуеве, ни в князе Утятине нет ничего, что могло бы смягчить неприязнь между ними и повстречавшимися им крестьянами. Оболт-Оболдуев с умилением вспоминает любезные: его сердцу времена крепостного права:

Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу - помилую,
Кого хочу - казню.
Закон - мое желание!
Кулак - моя полиция!..

Задумав сравнить на страницах поэмы двух помещиков, один из которых пытается примениться к новой ситуации, а другой верит, что "мужиков помещикам велели воротить", и все еще живет по старинке, Некрасов хотел показать, сколь ничтожна разница в отношении этих помещиков к крестьянам, насколько одинакова психология всех крепостников.

При известии об отмене крепостного права князя Утятиня хватил паралич. Однако он все еще не хочет угодничать. Думая, что на конюшне секут его крепостного.

... Словно музыку
Последыш стоны слушает,
Чуть мы не рассмеялись,
Как стал он приговаривать:
"Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!"

Сюжет главы "Последыш", повествующей о встрече мужиков с князем Утятиним, основан на действительном случае, о котором Некрасов услышал в начале 70-х годов от доктора Н. А. Белоголового: владелица села Шукалово долго скрывала от мужа, разбитого параличом, факт освобождения крестьян. Декабрист В. А. Поджио, живший в той местности, рассказывал об этом в письме к доктору Белоголовому: "Во избежание вторичного, окончательного паралича она скрывает от него случайную эмансипацию, и ежедневно счастливый еще помещик отдает по-прежнему приказания старосте: "завтра - сгон, собрать баранов, баб не спускать".

Некрасов дал этой главе одно из тех названий, которые говорят сами за себя. Рисуя образ Последыша, символизирующий уходящую крепостную Русь, он поднял курьезный случай до уровня огромного обобщения. Он стремился сказать читателю: дело не в том, что последыши цепляются за старое, а в том, что они не встречают активного сопротивления со стороны крестьян; сложившаяся веками психология не изменилась после реформы, и освобожденный от рабства народ все еще принижен и по привычке гнет спину перед бариним. Как и прежде, Некрасов думал о пробуждении народа, и за строками его поэмы снова звучал вопрос: "Ты проснешься ль, исполненный сил?.."

Наряду с последышами в поэме изображены те, о ком в рассказе "Про холопа примерного - Якова верного" сказано:

Люди холопского звания -
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.

Хвастает перед мужиками своей "почетной" болезнью - подагрой "любимый раб" князя Переметьева; посылает оброк своему барину из острога мужик, осужденный за конокрадство; "холит, бережет и убажает" барина примерный холоп Яков. Некрасов с горечью думал о том, каким привычным состоянием было рабство, даже протест проявлялся порой в уродливых и страшных формах. Однажды А. Ф. Кони рассказал поэту историю кучера, который повесился, чтобы отомстить барину. Кучер завез его в овраг и выпряг коней. "Почувяв неминуемую расправу, барин, в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь. "Нет! - отвечал кучер, - не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам солон пришелся, так тяжело с тобой жить стало, что вот я, старый человек, а через тебя душу свою погублю".

Так вошел в эпопею Некрасова тип "холопа примерного". Изменив в рассказе Кони отдельные детали, Некрасов углубил картину отношений барина с преданным ему слугой. Как всегда, он шел от факта к обобщению; это тотчас же уловила цензура; рассказ "Про холопа примерного - Якова верного" был запрещен. В письме начальнику управления по делам печати В. В. Григорьеву Некрасов энергично возражал против этого: "Я принес некоторые жертвы цензору Лебедеву, исключив солдата и две песни, но выкинуть историю о Якове, чего он требовал под угрозой ареста книги журнала, не могу - поэма лишится смысла" (декабрь 1876 года).

В том же письме к Григорьеву поэт пытался доказать, что его "мрачные песни и картины" относятся к прошлой, крепостной эпохе, но зато "есть и светлые перспективы". И они действительно есть, но только это совсем не те перспективы, которые могли бы удовлетворить

цензуру. Светлое начало поэмы определялось мыслью о неизбежном пробуждении народа, о появлении в деревне людей сильных духом, поднимающих голос протеста.

С самого начала работы над своей эпопеей Некрасов присматривался к начавшемуся процессу духовного раскрепощения деревни, искал ростки нового, вслушивался в разговоры крестьян, подмечая, что думают они о переменах, как вспоминают о прошлом, к чему стремятся.

Одна за другой разворачиваются перед читателем живописные народные сцены, полные жизни и движения Вот сельская ярмарка. "Там шла торговля бойкая, с божбою, с прибаутками, с здоровым, громким хохотом". Слившись с толпой, поэт внимательно вглядывался в ее пестрое, праздничное оживление, то и дело выхватывая из этой массы примечательные лица, фигуры, характеры, повторяя меткие реплики, пословицы, прибаутки; так создавалось удивительное многоголосие некрасовской поэмы. Теперь кинематографисты назвали бы подобный прием изображения людей и событий приемом скрытой камеры, - это означало бы высшую степень жизненной достоверности, потому что перед скрытой камерой не играют и не позируют: ее не видят и о ней не знают.

И вот исчезают привычные формы повествования; теряется в ярмарочной толпе сам поэт; не слышен более авторский голос. Зато как по волшебству вызванные к жизни неведомой силой, появляются перед читателем то "мужик какой-то крохотный", выбирающий ободья; то пророчащая голод "старообрядка злющая"; то старик, который пропил деньги и не может купить внучке подарок; он повторяет:

Мне зять - плевать, и дочь смолчит,
Жена - плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!..

Появляется и "купчик-выжига", сбывающий офеням портреты "толстых и грозных" генералов. И только тут вновь слышится голос автора, горестно восклицаящего:

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что рознь портрет портретику,
Что книга книге рознь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого -
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

А после ярмарки куражатся, зубоскалят хмельные крестьяне, но и пьяные речи их полны злободневных намеков. С истинно эпическим размахом изображая это буйное веселье, вводя в поэму гиперболические сравнения ("Не ветры веют буйные, не мать-земля колышется - шумит, поет, ругается, качается, валяется, дерется и целуется у праздника народ!"), автор вместе с тем не забывает о печальной реальности. Потому-то в самый разгар веселья и появляется среди мужиков Яким Нагой со своими протестующими речами - первый из плеяды думающих мужиков. Именно в уста Якима вложена такая политически зрелая мысль:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Глядишь, стоят три дольщика;
Бог, царь и господин!

Яким, как настоящий народный оратор, говорит перед толпой, и по всему видно, что гневные слова его монолога близки и понятны крестьянам. Некрасов встречал таких людей, как Яким, знал, что их становится все больше в пореформенной России и что именно они пробуждают "снизу" народное сознание. Может быть, поэтому поэт не придал внешности Якима

индивидуальных черт, желая показать, что он такой же, как все, один из многих: "... на землю-матушку похож он: шея бурая, как пласт, сохой отрезанный, кирпичное лицо, рука - кора древесная, а волосы - песок". Так же социально типична и предельно выразительная, до отказа сжатая самохарактеристика Якима: "В деревне Босове Яким Нагой живет, он до смерти работает, до полусмерти пьет!.."

Среди некрасовских крестьян выделяются Ермил Гирин, который честно служит интересам крестьянского мира и пользуется его полным доверием, и Савелий, богатырь святорусский, в котором поэт стремился выделить черты пока еще бессознательного, стихийного, но уже мощного протеста, олицетворить в нем все, что хотел он видеть в русском народе: духовную силу, свободолюбие, не сломленное даже царской каторгой. "Клейменный, да не раб!.." - с гордостью говорит о себе Савелий. Незабываем облик былинного богатыря, хотя таких, как Савелий, единицы в забитой крепостной России, и много лет пройдет, прежде чем их бунт станет сознательной борьбой за народное счастье.

Все дальше и дальше в глубь России идут семь мужиков, разыскивая "счастливого"; проходит весна, наступает лето, и вот "уж налились колосики", а странствиям все нет конца. Тогда неугомонные мужики решают поискать "счастливцу" среди женщин.

В некрасовской поэме русской крестьянке предстояло самой рассказать о своей жизни. Из ее рассказа странники должны были увидеть, как развивался ее характер, крепили душевные силы, зрело чувство высокого человеческого достоинства. И в этом случае поэт шел от конкретного к общему, от судьбы Матрены к судьбе русской женщины вообще.

Некрасов не сгущал краски. В жизни Матрены Тимофеевны не было ничего необычного, из ряда вон выходящего. Смерть первенца, вражда мужней семьи, голод, болезни, пожары - какая крестьянская женщина не проходила через все это? Некрасов и прежде писал о таких судьбах:

Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.
И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь...

За Матреной стояли сотни и тысячи таких, как она. Но другие женщины называют ее "счастливой", посылая к ней странников: им, видно, пришлось еще горше. А после потрясающего душу рассказа Матрены горькой иронией звучат слова, с которыми обратились к ней странники при первой встрече: "Молва идет всесветная, что ты вольготно, счастливо живешь..."

Однако не ирония была важна для Некрасова. Он хотел показать читателю, насколько же беспросветна судьба крестьянки, если кажется благополучной и даже "счастливой" жизнь Матрены Корчагиной. Не оставляя у слушателей никаких иллюзий, Матрена заключает свой рассказ напутствием:

Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте, -
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!

Оказывается, нет счастливой среди женщин, и это еще раз показывает, что в поэме, как и в действительности, судьба женская и судьба народная едины. Уже в конце жизни, в 1876 году, Некрасов закончил новую часть своей поэмы, которую назвал "Пир на весь мир". Его первоначальный замысел - поиски счастливого - заметно расширился, теперь поэту казалось самым важным показать, как крепло и развивалось народное сознание, как крестьянство медленно, но неуклонно шло к осмыслению своего протеста.

Глава открывалась крестьянским праздником, и вновь, как в первых главах поэмы, "Сельской ярмонке" и "Пьяной ночи", проходила перед читателем народная масса. Но этот пир был не похож на горькое послеярмарочное веселье. Заметно изменились почувствовавшие свободу мужики, задорно зазвучали их речи:

У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!

Пируют крестьяне, радуясь отмене крепостного права да еще и смерти старого князя, своего помещика - Последыша. Но песни они поют прежние. "Иных покамест нет", - замечает автор, сожалея, что за целые века народ не сложил песенки веселой и ясной, "как ведренный денек". В самой поэме мы находим эти горькие и жуткие песни старого времени: "Веселая" с ее ироническим припевом "Славно жить народу на Руси святой!"; "Барщинная", где слышен стон забитого мужика Калины ("С лаптя до ворота шкура вся вспорота"); "Голодная", где дан потрясающий образ голодающего крестьянина ("С коры его распучило..."); "Солдатская", которую поет старый солдат, искалеченный под Севастополем, но лишенный полного "пенциона" (пенсии) по такой причине: "Полного выдать не велено: сердце насквозь не прострелено!"; и наконец, "Соленая", полная безысходного трагизма...

И поэт восклицает:
"Душа народная!
Воссмеяся ж наконец!"

Вера в народ никогда не покидала Некрасова. Предвидя революционное обновление России, он ввел в поэму образ "парадного заступника" Гриши Добросклонова - символ поднимающейся на борьбу страны. В этом образе воплотил он черты близко знакомых ему революционеров-демократов и просветителей 60-70-х годов, не без умысла придав герою известное сходство с Добролюбовым. И того и другого отличают ясность жизненной цели, сознание нераздельности судьбы своей и народной, мечта о благоденствии всего крестьянского мира:

... Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси...

Так говорит Григорий своим землякам, и слова его идут "из сердца самого". Есть много и других подтверждений того, что Некрасов думал о Добролюбове, когда рисовал своего Григория. Он также происходит из духовного звания (сын дьячка, семинарист), также склонен к самоотверженности и самоотречению, также пишет стихи-песни, в которых выражает свои заветные мысли. Поэт называет его "русским юношей" (как называл Добролюбова) и относит к числу сынов Руси, "отмеченных печатью дара божьего". Будущее Гриши в поэме тоже обрисовано как бы по Добролюбову: "Ему судьба готовила Путь славный, имя громкое Народного заступника, Чахотку и Сибирь".

Именно с Гришей Добросклоновым, в котором нельзя, однако, видеть только черты Добролюбова, связаны светлые тона последних страниц поэмы, где на смену прежним, унылым и мрачным, появляются "новые песни", "добрые песни". В них устами Гриши выражены заветные некрасовские мысли о народе, о его грядущем освобождении ("Сбирается с силами русский народ и учится быть гражданином"), мысли о родной Руси - убогой и обильной, могучей и бессильной, Руси, которой поэт посвятил стихи, исполненные революционного пафоса:

Русь не шелохнется,
Русь - как убитая!

А загорелась в ней
Искра сокрытая", -

Встали - небужены,
Вышли непрошены,
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается -
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Эти строки увенчивают все огромное здание поэмы, более того: написанные в конце жизни, они как бы увенчивают и все некрасовское творчество, подводят итог размышлениям поэта о родной стране и ее исторических судьбах; здесь же заключен и ответ на вопрос, в чем "тайна довольства народного" и какая дорога ведет к нему.

Благодаря этим стихам удивительным образом получилось так, что незаконченная поэма оказалась композиционно завершенной: Гриша Добросклонов - это и есть тот счастливец, которого долго искали странники. Иначе вряд ли можно понять следующие вслед за песней "Русь" финальные строки поэмы, - в них воспет юноша, решивший стать "народным заступником" и в этом нашедший свое счастье:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного -
Пел он воплощение счастья народного!..

Так закончилась поэма "Кому на Руси жить хорошо" - великая национальная эпопея, подлинная энциклопедия русской народной жизни XIX века, в которой жизнь многомиллионной массы российского крестьянства впервые стала достоянием высокого искусства.

* * *

Образ интеллигента-пропагандиста, горячо преданного народу и тесно связанного с крестьянской средой, не случайно занял видное место в некрасовской поэме. В нем нашли развитие те черты русского деятеля, революционного просветителя, какие Некрасов запечатлел в разные годы, создавая портреты своих великих современников - Белинского, Добролюбова, Чернышевского (в стихотворении "Не говори: "Забыл он осторожность!.."), Писарева, Шевченко. С другой стороны, в образе деревенского интеллигента воплощены" важнейшие особенности времени - середины 70-х годов, когда крепло движение революционного народничества, когда Некрасов внимательно следил за начинавшимся "хождением в народ".

Образ Гриши Добросклонова был задуман и родился именно в этой атмосфере; Гриша отличался от большинства реальных участников движения только тем, что он вырос в деревне и вел пропаганду среди земляков; он был для них своим человеком и потому пользовался большим доверием, чем неизвестные пришельцы из города. Такие, как Гриша, были менее доступны для преследований, чем городские агитаторы. Недаром в одном из черновиков "Пира на весь мир" крестьяне упоминают "барина-странничка", участь которого была типична для многих других участников "хождения в народ";

... его отправили
Потом в Москву с жандармами -
Недолго погулял!

Некрасов отдавал должное "хождению в народ", каким он его знал, общаясь со многими лицами, близко стоявшими к народническим кругам. До него доходили сведения о неудачах этого движения, об арестованных революционерах (например, в письме к Елисееву от мая 1875 года Некрасов сообщает об агитаторах, привлеченных к суду за распространение в народе литературы, возбуждающей к восстанию). Зная все это, он не только сочувствовал участникам "хождения в народ", но преклонялся перед их самоотверженностью. Он был недоволен тем, что Тургенев в романе "Новь" не сумел с должной полнотой и объективностью осветить, может быть, самую острую политическую тему эпохи. Пыпин, сидя у постели больного Некрасова, записал его слова об этом: "Тургенев не достиг своей цели... Все-таки люди были крупнее (первые), да и хождение в народ - недосказано, оно бывало не так глупо".

В стихах середины 70-х годов Некрасов стремился поддержать дело и дух революционной интеллигенции, звал ее к подвигу, доказывая важность и необходимость пропаганды среди крестьянства. Зная глубоко жизнь деревни и настроения крестьянина, он в "Пире на весь мир", в главе "Странники и богомольцы", ручался этим своим знанием, что "душа народа русского" есть самая добрая почва, которая ждет своего сеятеля: "О сеятель! приди!.."

Здесь - прямая связь с умонастроением передовой молодежи, стремившейся в деревню будить народ, просвещать крестьянство. К ней же, ко всей народнической интеллигенции, обращены стихи, так и названные "Сеятелям", с их знаменитым призывом: "Сейте разумное, доброе, вечное". Стихи написаны тогда же, в 1876 году, в разгар освободительного движения, роста революционных кружков и организаций; очевидно, что понять их подлинный смысл можно только на этом фоне.

И другие стихи этого времени - "Молодые лошади", "Праздному юноше", "Отрывок", "Приметы", "Ты не забыта", "Молебен" - тесно связаны с проблемами революционной борьбы семидесятников, с настроениями народнической молодежи. В этих стихах - осуждение тех, кто стоит в стороне ("Что сидишь ты сложа руки? Ты окончил курс науки..."); трагедия девушки, сбросившей "мертвящие оковы" друзей, семьи, родного очага и не встретившей тех, примкнуть к которым она мечтала; молитва "об осужденных в изгнание вечное, о заточенных в тюрьму" за верное служение народу.

Среди этих стихов есть и отклики на политические процессы 70-х годов. Таково стихотворение "Приметы", где имеется в виду известный факт: когда судили народников, их родные старались снять лачуги поближе к Петропавловской крепости:

Видно, вновь в какой нелепости
Молодежь уличена, -
На квартиры возле крепости
Поднимается цена.

Откликнулся Некрасов и на судебный процесс по поводу демонстрации на Казанской площади в Петербурге, организованной землевольцами. Словом, стихи этих лет красноречиво свидетельствуют: крепкие нити связывали позднюю некрасовскую поэзию с революционно-народническим движением. Гражданские и поэтические традиции 60-х годов нашли достойное завершение в эпосе и лирике последнего десятилетия жизни Некрасова.

* * *

Еще в 60-х годах критик В. Зайцев отмечал в "Русском слове", что "... вся русская молодежь читала, читает и знает наизусть стихи г. Некрасова". В следующем десятилетии популярность его стихов возросла еще больше. Он без всяких преувеличений сделался кумиром, "властителем дум" молодежи, ему поклонялись, в нем видели идеал поэта, певца народа. "... Имя Некрасова, - пишет современница, - было окружено таким ореолом, что каждый из нас, людей тогдашнего молодого поколения, жаждал хоть издали взглянуть на любимого поэта, хоть послушать его на литературном чтении" (А. Степанова-Бородина).

Возле дома, где жил Некрасов, нередко бродили молодые люди в надежде увидеть его хотя бы издали. Писатель-народник Г. Мачтет, автор революционной песни "Замучен тяжелой неволей", рассказывает в своих воспоминаниях: "... мы выстаивали иногда целые часы, чтобы уловить его [Некрасова] выход на улицу или хоть один силуэт за стеклом оконной рамы..."

Воздействие некрасовской поэзии и журнала "Отечественные записки" на мировоззрение семидесятников было глубоким и органичным. Некрасов и сам тяготел к молодежи, с симпатией и сочувствием относился к начинающим литераторам, близко стоявшим к народническому движению, он встречался и беседовал с ними, хлопотал за тех, кто попадал в беду.

Тот же Мачтет сообщает о встрече с Некрасовым, которому он принес свою рукопись. Пообещав ее напечатать, редактор "Отечественных записок" начал расспрашивать гостя и с интересом выслушал рассказ об его участии в революционной работе. Мачтет сказал, что он убежденный социалист и намерен посвятить свои силы не литературе, а преимущественно "политической пропаганде".

"... Когда я кончил, он насупился и заходил по комнате, заложив руки.

- Конечно, не мне отрывать вас от того, куда влечет вас сердце, - начал он сурово и хмуро, как бы ища слов, - но я все-таки скажу вам: берегите себя... Из вас может выработаться писатель... У вас есть чувство, вы умеете любить и... - он улыбнулся. - И кусаться! - добавил он, все так же улыбаясь, причем его глаза сверкнули мне из-под сдвинутых бровей ласковой и мягкой улыбкой".

Другую встречу с Некрасовым описал товарищ Мачтета - литератор и библиограф, участник народнического движения Д. П. Сильчевский. Он так же восторженно относился к поэту, знал еще с середины 60-х годов наизусть все его стихи и, по собственным словам, "смотрел тогда на него, как на некое божество", видел в нем "величайшего из русских поэтов". "Этого же убеждения я держусь и доныне..." - писал Сильчевский в 1902 году.

В таком настроении начинающий литератор впервые в жизни пришел в редакцию, чтобы предложить свои услуги по части библиографии. Это было в сентябре 1871 года. Некрасов встретил его ласково и постарался ободрить шутливо-участливым тоном:

- Прежде всего скажите, отец, - сказал он двадцатилетнему Сильчевскому, - почему вы думаете, что из вас выйдет непременно писатель?

"Отец" - было его любимое словечко, с которым он постоянно обращался к собеседнику, придавая этим; непринужденно добродушный оттенок всему разговору.

Второй раз они встретились спустя два с половиной года на улице.

Молодой литератор рассказал о своих делах и планах, а Некрасов, выслушав его, произнес слова, которые запомнились Сильчевскому навсегда:

- Вот что, отец, занимайтесь делом, а не пустяками... Не библиография важна, важно только одно - любить народ, родину, служить им сердцем и душой. Работайте, учитесь и учите других, и господь с вами!..

С этими словами Некрасов, входя в свой подъезд, крепко пожал руку молодому человеку и посмотрел своими "удивительными, несравненными" глазами. Эти глаза произвели на будущего мемуариста особое впечатление, о чем он подробно рассказывает в своих воспоминаниях. Он говорит, что известный портрет Некрасова, написанный с натуры И. Н. Крамским, хорошо передает черты лица поэта. Но одного не мог уловить Крамской - это выражения глаз Некрасова. "Трудно, даже прямо невозможно описать его глаза... они пронизывали вас насквозь, как будто читали в вашей душе, и чудесно искрились в зрачке... Эти глаза и теперь, когда уже более тридцати лет прошло после моей первой с ним встречи... вновь сверкают и искрятся передо мною... Да! таких глаз я не встречал ни прежде, ни после..."

Итак, всего две короткие встречи. И тем не менее Сильчевский утверждает, что Некрасов сыграл решающую роль в его жизни. Оказывается, в 1876 году Сильчевский был арестован за хранение запрещенной литературы, а в начале 1877 года - за "антиправительственную деятельность". И оба раза за него хлопотал уже больной тогда Некрасов. Используя свои связи, он сумел добиться освобождения арестованного литератора, которого видел всего два-три раза в жизни.

Несомненно, у Некрасова были и другие встречи и знакомства среди революционно-народнической молодежи, но сведений об этом по понятным причинам сохранилось немного.

Известно, что Некрасов был на дурном счету у правительства и как редактор, и как поэт. Давно зная это, Некрасов не всегда был уверен в своей безопасности. Ведь неспроста же он в конце жизни набросал в записной книжке такое четверостишие:

За желанье свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремленье к добру -
Нам в тюрьме отведут конуру.

Однако правительство не осмеливалось прекратить его деятельность (как оно это делало с противниками, гораздо менее опасными): слишком широка была популярность поэта, еще при жизни ставшего народным, и исключительно велик был его авторитет в русском обществе.